

**ДЕЛО «ИНСТИТУТ ОТТО-ПРЕМИНГЕР (OTTO-PREMIINGER-INSTITUT) ПРОТИВ
АВСТРИИ»**

Постановление суда от 20 сентября 1994 г.

В деле “”Институт Отто-Премингер” (Otto-Preminger-Institut) против Австрии”,

Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”) и соответствующими положениями Регламента Суда, в виде Палаты, составленной из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,

г-н Ф. Гелчюклю,

г-н Ф. Матчер,

г-н Б. Уолш,

г-н Р. Макдональд,

г-жа Э. Палм,

г-н Р. Пекканен,

г-н Й. Макарчик,

г-н Д. Гочев,

а также г-н М. –А. Эйссен, секретарь, и г-н Х. Петцольд, заместитель секретаря,

Проведя 25 ноября 1993 г., а также 20 апреля и 23 августа 1994 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 23 августа 1994 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 7 апреля 1993 г. и Правительством Австрийской республики (“Правительством”) 14 мая 1993 г., в течение трехмесячного срока, предусмотренного

статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции. Оно было возбуждено по жалобе (№ 13470/87) против Австрии, поданной в Комиссию 6 октября 1987 г. “Институтом аудиовизуальных средств информации Отто Премингера (“ОРИ”)” — частной ассоциацией с правосубъектностью согласно австрийскому законодательству, в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Австрия признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Обращение Правительства основывалось на статьях 44 и 48 Конвенции. Предметом запроса и обращения было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда, ассоциация-заявитель сообщила о своем намерении принять участие в судебном разбирательстве и назначила адвоката для представления ее интересов в этом разбирательстве (статья 30 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Ф. Матчер как избранный судья австрийской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (статья 21 п. 3 (b) Регламента). 23 апреля 1993 г. в присутствии секретаря Председатель путем жеребьевки назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Ф. Гелчюкю, г-на Б. Уолша, г-на Р. Макдональда, г-жу Э. Палм, г-на Р. Пекканена, г-на Й. Макарчика и г-на Д. Гочева (конец статьи 43 Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента).

4. В качестве Председателя Палаты (статья 21 п. 5 Регламента), г-н Риссдал, действуя через секретаря, провел с представителем Австрийского правительства (“Правительством”), представителем ассоциации-заявителя и представителем Комиссии консультации по вопросам организации судебных слушаний (статьи 37 п. 1 и 38 Регламента). По получении соответствующих предписаний, письменные соображения и замечания в судебную канцелярию представили: Правительство — 24 сентября 1993 г., и ассоциация-заявитель — 1 октября 1993 г. Секретарь Комиссии уведомил секретаря, что представитель Комиссии представит свои замечания на слушании дела.

5. 2 сентября 1993 г. Председатель разрешил, в силу статьи 37 п. 2 Регламента, представить письменные соображения по отдельным аспектам данного дела двум международным правозащитным организациям — “Статья 19” и “Интерайтс”. Их соображения поступили в судебную канцелярию 15 октября.

6. 14 октября 1993 г. Комиссия представила секретарю некоторые документы, которые он запросил у нее по поручению Председателя.

7. 27 октября 1993 г. Палата по ходатайству заявителя и в соответствии со статьей 41 п. 1 Регламента приняла решение просмотреть фильм “Любовный собор”. Закрытый просмотр состоялся 23 ноября 1993 г.

8. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 24 ноября 1993 г.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства —

г-н В. Окресек, начальник отдела иностранных дел, департамент Конституции,
Федеральная канцелярия, Представитель,

г-н Ц. Майерхофер, Федеральное министерство юстиции,

г-н М. Шмидт, Федеральное министерство иностранных дел, Советники;

(b) со стороны Комиссии —

г-н М. П. Пеллонпаа, Представитель;

(c) со стороны ассоциации-заявителя —

г-н Ф. Хёпфель, профессор права Инсбрукского университета, защитник по уголовным делам, Адвокат.

Суд выслушал выступления вышеуказанных представителей, а также их ответы на заданные им вопросы.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

I. Конкретные обстоятельства дела

9. Заявитель, Институт аудиовизуальных средств информации Отто Премингера (“ОПГ”) — учрежденная в Инсбруке частная ассоциация по австрийскому законодательству. В соответствии с учредительными документами, она является некоммерческой

организацией, основная цель которой заключается в продвижении художественного творчества, общения и зрелищных мероприятий в аудиовизуальных средствах информации. В сферу ее деятельности входит содержание кинотеатра “Кинематограф” в Инсбруке.

10. Ассоциация-заявитель объявила о намерении устроить в указанном кинотеатре серию из шести доступных широкой публике сеансов фильма Вернера Шрётера “Любовный собор” (см. п. 22 ниже). Первый показ был запланирован на 13 мая 1985 г. Все сеансы должны были начинаться в 22:00, кроме единственного дневного сеанса в 16:00, назначенного на 19 мая.

Данное объявление появилось в информационном бюллетене, который был разослан 2 700 членам ассоциации, а также на многочисленных театральных стендах и афишах. В том числе оно было размещено на информационном стенде самого “Кинематографа”. Ниже приводится текст этого объявления:

"Сатирическая трагедия Оскара Паниццы, действие которой происходит на небесах, снята Шрётером по мотивам театральной постановки римского “Театро Белли”. При этом в художественную ткань фильма вплетено повествование о суде над автором пьесы и его осуждении в 1895 г. за богохульство. Паницца исходит из предположения, что сифилис был Божьей карой за людские прелюбодеяния и грехи во времена Возрождения, особенно при дворе Папы Александра VI из рода Борджиа. В фильме Шрётера представители Бога на земле, носящие эмблемы мирской власти, отчетливо напоминают небесных персонажей.

Мишенью карикатурного изображения становятся банальности и нелепости христианского вероучения. В фильме прослеживается взаимосвязь между религиозными верованиями и мирскими механизмами угнетения".

Кроме того, в информационном бюллетене было сказано, что во исполнение Тирольского закона о кинематографе лица моложе семнадцати лет на просмотр фильма не допускаются.

В местной газете также была опубликована информация о названии фильма и месте его показа, причем не было ничего сказано о содержании самого фильма.

11. После обращения Инсбрукской епархии Римской католической церкви, государственный прокурор 10 мая 1985 г. возбудил уголовное дело против управляющего ассоциации-заявителя г-на Дитмара Цингля. Он был обвинен в покушении на “оскорбление религиозных верований” — уголовно наказуемого деяния согласно статье 188 Уголовного кодекса Австрии (см. п. 25 ниже).

12. 12 мая 1985 г. после показа фильма на закрытом сеансе в присутствии дежурного судьи, государственный прокурор обратился с ходатайством о его аресте согласно статье

36 Закона о средствах массовой информации (см. п. 29 ниже). Данное обращение было в тот же самый день удовлетворено Земельным судом Инсбрука. Таким образом, анонсированный ассоциацией-заявителем публичный показ фильма, который должен был начаться на следующий день, не состоялся.

Зрителям, пришедшим в кинотеатр на первый запланированный сеанс, взамен просмотра фильма было предложено чтение сценария и его обсуждение.

Когда г-н Цингль возвратил копию фильма дистрибьютору — венской компании “Черни” — она была арестована в помещении указанной компании 11 июня 1985 г.

13. 30 июля 1985 г. Апелляционный суд Инсбрука отклонил жалобу на постановление об аресте, поданную управляющим ассоциации-заявителя г-ном Цинглем. Апелляционный суд посчитал, что творческая свобода непременно должна ограничиваться правами других лиц на свободу вероисповедания и обязанностью государства охранять устои общества, основанного на порядке и терпимости. Более того, он указал, что негодование считается “оправданным” в целях статьи 188 Уголовного кодекса только в том случае, когда оно вызвано такими действиями, которые оскорбляют религиозные чувства среднего человека с нормальной религиозной чувствительностью. Поскольку данное условие было выполнено в настоящем деле, конфискация фильма могла быть предписана в принципе, по крайней мере при “объективном разбирательстве дела” (см. п. 28 ниже). В рассматриваемом случае вред, наносимый грубым высмеиванием религиозных чувств, несоизмерен интересу, который широкая публика может иметь к содержащейся в фильме информации, или финансовым интересам лиц, намеревавшихся показать фильм.

14. 24 октября 1985 г. разбирательство по уголовному делу против г-на Цингля было прекращено. Проходившее в Земельном суде рассмотрение дела велось как “объективное разбирательство”, то есть оно было направлено не на осуждение физического лица, а на конфискацию фильма (статья 33 п. 2 Закона о средствах массовой информации).

15. 10 октября 1986 г. Земельный суд Инсбрука провел слушание данного дела. Фильм был еще раз показан на закрытом сеансе, а его содержание — подробно описано в официальном протоколе слушания.

В официальном протоколе слушания дела г-н Цингль выступает в качестве свидетеля. Он заявил, что отправил фильм обратно дистрибьютору сразу же после получения постановления об аресте, поскольку не желал больше иметь ничего общего с этой проблемой.

Из судебного решения, вынесенного в тот же самый день, следует, что г-н Цингль был признан “заинтересованной стороной, потенциально несущей ответственность”.

Земельный суд установил, что дистрибьютор фильма отказался от своего права выступить на слушаниях и дал согласие на уничтожение своей копии фильма.

16. В своем решении Земельный суд вынес решение о конфискации фильма. В нем говорилось:

“Намеченная на 13 мая 1985 г. публичная демонстрация фильма “Любовный собор”, в котором Бог Отец представлен в виде дряхлого, беспомощного идиота, Христос — в виде кретина, а Богоматерь Мария — в виде распутницы соответствующего поведения, — фильма, в котором высмеивается таинство Причастия, подпадает под определение уголовно наказуемого деяния — “оскорбления религиозных верований” (статья 188 Уголовного кодекса Австрии)”.

В обосновании принятого решения было сказано:

“Такое изображение божественных лиц — а Бог Отец, Богоматерь Мария и Иисус Христос, являясь центральными фигурами в религиозной доктрине и практике Римской католической церкви, занимают важнейшее место в религиозном мировоззрении верующих — а также упомянутое выше высмеивание святого Причастия — одного из самых сокровенных таинств Римской католической церкви, объективно удовлетворяют условиям статьи 188 Уголовного кодекса, особенно если принять во внимание общую концепцию фильма, которую нельзя охарактеризовать иначе, как нападки на христианское вероисповедание...

...Статья 17а Основного закона гарантирует свободу художественного творчества, публикации произведений и обучения искусству. Сфера действия свободы творчества была расширена (введением в действие указанной статьи) таким образом, что защита обеспечивается всем формам художественного творчества; больше не допускается ограничение свободы творчества посредством прямо установленных правовых норм, оно может следовать только из ограничений, свойственных самой этой свободе... Свобода художественного творчества не может быть беспредельной. Свобода творчества может ограничиваться, во-первых, другими основными правами и свободами, гарантированными Конституцией (такими как свобода вероисповедания и совести); во-вторых, потребностью в упорядоченной форме человеческого сосуществования, основанной на принципе терпимости; и, наконец, в случаях вопиющего нарушения защищаемых законом интересов других лиц. В каждом из этих случаев следует тщательно взвешивать конкретные обстоятельства дела, обращая особое внимание на все относящиеся к нему соображения...

То обстоятельство, что выполнены условия статьи 188 Уголовного кодекса, не означает автоматически достижения предела свободы художественного творчества, гарантированной статьей 17а Основного закона. Тем не менее, принимая во внимание вышеуказанные соображения и особую тяжесть в настоящем деле — касающемся фильма, основной целью которого являются провокационные нападки на Церковь — факта неоднократного и продолжительного нарушения защищаемых законом интересов, основное право на свободу художественного творчества должно в данном случае считаться второстепенным.

...”.

17. Г-н Цингль обратился с жалобой на решение Земельного суда, приложив к ней обращение, которое подписали 350 человек. В нем они протестовали против лишения их

свободного доступа к произведению искусства и утверждали, что толкование статьи 188 Уголовного кодекса в настоящем деле не согласуется со свободой художественного творчества, гарантированной статьей 17а Основного закона.

25 марта 1987 г. Апелляционный суд Инсбрука объявил жалобу неприемлемой. Он посчитал, что у г-на Цингля нет надлежащего правового статуса, так как он не является владельцем авторских прав на фильм. 7 апреля 1987 г. решение суда было доведено до сведения ассоциации-заявителя.

18. По просьбе адвоката ассоциации-заявителя тогдашний федеральный министр по делам образования, искусства и спорта, доктор Хильде Хавличек в частном письме предложил Генеральному прокурору подать в интересах права жалобу в Федеральный Верховный Суд. Письмо было отправлено 18 мая 1987 г. и ссылалось, среди прочего, на статью 10 Конвенции.

Генеральный прокурор решил 26 июля 1988 г., что для подачи такой жалобы не имеется никаких оснований. В его решении говорилось, среди прочего, что Генеральная прокуратура уже давно придерживается мнения, что свобода художественного творчества ограничена другими основными правами. Далее шла ссылка на постановление Федерального Верховного Суда по делу, касающемуся фильма "Призрак" (см. п. 26 ниже); по мнению Генерального прокурора, в указанном деле Федеральный Верховный Суд "по меньшей мере, не отвергнул" данную точку зрения.

19. С тех пор в Австрии было несколько театральных постановок данной пьесы Паниццы: в Вене — в ноябре 1991 г., в Инсбруке — в октябре 1992. В Вене органами правопорядка не было предпринято никаких правовых действий. В Инсбруке частными лицами было подано несколько заявлений о совершенном преступлении; было проведено предварительное расследование, после которого органы правопорядка решили прекратить разбирательство этого дела.

II. Кинофильм "Небесный собор"

20. Пьеса, на которой основывается фильм, написана Оскаром Паниццей и опубликована в 1894 г. В 1895 г. Мюнхенский суд присяжных признал Паниццу виновным в "преступлениях против религии" и приговорил его к тюремному заключению. Пьеса была запрещена в Германии, хотя ее продолжали печатать в других странах.

21. В пьесе Бог Отец изображен старым, слабым и неэффективным, Иисус Христос — "маменькиным сыночком" недалекого ума, а Дева Мария — беспринципной распутницей. Все вместе они решают наказать человечество за безнравственность. Они отказываются от идеи полного разрушения в пользу такого вида наказания, которое оставит людям "потребность в спасении" и "способность к искуплению". Будучи не в силах придумать такое наказание, они решают обратиться за помощью к Дьяволу.

Дьявол предлагает идею болезни, передаваемой половым путем, чтобы мужчины и женщины, ни о чем не подозревая, заражали друг друга. Он вступает в связь с Саломеей,

чтобы произвести на свет дочь, которая распространила бы эту болезнь среди человечества. Описанные Дьяволом симптомы болезни не оставляют сомнений, что речь идет о сифилисе.

В качестве вознаграждения, Дьявол требует свободы мысли; Мария говорит, что она "подумает об этом". Затем Дьявол посылает свою дочь на выполнение отведенного ей задания, сначала среди представителей мирской власти, потом в папский дворец, к епископам, в монастыри и, наконец, к обычным людям.

22. Фильм, поставленный Вернером Шрётером, вышел на экраны в 1981г. Он начинается и заканчивается сценами суда над Паниццей в 1895 г. Центральная часть картины представляет собой постановку пьесы римским "Театро Белли". Фильм изображает Бога еврейской, христианской и исламской религий дряхлым стариком, падающим ниц перед Дьяволом. Он называет Дьявола своим другом и обменивается с ним глубоким поцелуем. Он даже нередко клянется именем Дьявола. В другой сцене Дева Мария позволяет, чтобы ей прочли непристойный рассказ; затем следует эротическая сцена между Девой Марией и Дьяволом. Взрослый Иисус Христос изображается умственно неполноценным человеком; в одной сцене фильма он пытается ласкать и целовать груди своей матери, которая позволяет ему сделать это. В фильме Бог, Дева Мария и Христос аплодируют Дьяволу.

III. Соответствующее национальное законодательство и судебная практика

23. Свобода вероисповедания гарантирована статьей 14 Основного закона, в которой говорится:

“(1) Каждому гарантируется полная свобода вероисповедания и совести.

(2) Осуществление гражданских и политических прав не зависит от религиозного вероисповедания; тем не менее, религиозное вероисповедание не может препятствовать гражданским обязательствам.

(3) Никто не может быть принужден принимать участие в каком-либо церковном действии или обряде, кроме как во исполнение власти, возложенной законом на другое лицо, в подчинение которого он находится”.

24. Свобода художественного творчества гарантирована статьей 17а Основного закона, в которой говорится:

“Гарантируется свобода художественного творчества, публикации произведений и обучения искусству”.

25. В статье 188 Уголовного кодекса предусматривается:

“Всякий, кто в обстоятельствах, когда его поведение способно вызвать “оправданное негодование”, оскорбит или унизит лицо либо предмет, который является объектом почитания признанной в стране церкви или религиозной общины, либо догмат, законный обычай или законное учреждение такой церкви или религиозной общины, подлежит тюремному заключению на срок до шести месяцев или штрафу в размере до 360 дневных норм оплаты труда”.

26. Руководящее решение Федерального Верховного Суда по согласованию двух вышеприведенных положений было вынесено по жалобе в интересах права, поданной Генеральным прокурором в деле, касающемся конфискации фильма "Призрак" Герберта Ахтернбуша.

Хотя просьба была отклонена по чисто формальным основаниям без вынесения суждения по существу дела, из решения косвенным образом следует, что если произведение искусства посягает на свободу религиозной совести, гарантированную статьей 14 Основного закона, это может составлять злоупотребление свободой художественного творчества и потому противоречить закону (судебное решение от 19 декабря 1985 г., журнал “Medien und Recht” 1986, № 2, стр. 15).

27. “Нарушение в средствах массовой информации” определяется как “действие, влекущее за собой наказание в судебном порядке, совершенное посредством средства массовой информации и заключающееся в сообщении или представлении, нацеленном на относительно большое количество людей” (статья 1 п. 12 Закона о средствах массовой информации). Уголовная ответственность за такого рода нарушения устанавливается согласно общему уголовному праву, если только они не подпадают под действие специальных положений Закона о средствах массовой информации (статья 28 Закона о средствах массовой информации).

28. Законом о средствах массовой информации предусмотрена такая специальная мера наказания, как конфискация соответствующей публикации (статья 33). Постановление о конфискации может быть вынесено в дополнение к другим обычным мерам наказания, предусмотренным в Уголовном кодексе (статья 33 п. 1).

Если судебное преследование или осуждение лица за уголовное преступление не представляется возможным, решение о конфискации также может быть принято в ходе отдельного, так называемого “объективного” разбирательства вопроса о пресечении

публикации, как предусмотрено в статье 33 п. 2 Закона о средствах массовой информации, в которой говорится:

"Решение о конфискации принимается на отдельных слушаниях, проводимых по просьбе прокурора, если публикация в средствах массовой информации удовлетворяет объективному определению уголовного преступления и если не может быть обеспечено судебное преследование конкретного лица, либо если осуждение такого лица невозможно по причинам, препятствующим наказанию ..."

29. Арест публикации в ожидании решения о конфискации может быть произведен в соответствии со статьей 36 Закона о средствах массовой информации, в которой говорится:

" 1. Суд может вынести постановление об аресте предназначенных для распространения среди публики копий произведения, опубликованного в средствах массовой информации, если имеются основания предполагать, что будет принято решение о конфискации согласно статье 33 и если неблагоприятные последствия такого ареста не будут несоразмерными тем правомерным интересам, которые собираются защитить подобным образом. Во всяком случае, арест не может быть произведен, если такие правомерные интересы можно защитить путем публикации уведомления о начале уголовного преследования.

2. Арест предполагает предварительное или одновременное возбуждение уголовного преследования или объективного разбирательства по поводу нарушения в средствах массовой информации, а также специальное обращение с этой целью прокурора или истца на специальном судебном разбирательстве.

3. В постановлении об аресте упоминается отрывок или часть опубликованного произведения, а также предполагаемое нарушение, ставшее основанием для ареста ...

4-5... "

30. К судебному преследованию нарушений в средствах массовой информации и объективному расследованию применяется общий закон уголовно-процессуального права. Хотя при объективном расследовании владелец или издатель опубликованного произведения не обвиняется ни в каком уголовном преступлении, он считается полноправной стороной в разбирательстве, на основании статьи 41 п. 5, в которой говорится:

"[В уголовном преследовании или объективном разбирательстве по поводу нарушения в средствах массовой информации] на слушания должен быть вызван владелец (издатель) средства массовой информации. Он должен иметь права обвиняемого; в частности, ему предоставляется право на использование тех же самых методов защиты, которые имеются в распоряжении обвиняемых, включая право на обжалование решения по существу дела ..."

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

31. Ассоциация-заявитель подала жалобу в Комиссию 6 октября 1987 г. В ней она утверждала, что была нарушена статья 10 Конвенции.

32. 12 апреля 1991 г. Комиссия объявила жалобу (№ 13470/87) приемлемой.

В своем докладе, принятом 14 января 1993 г. (статья 31), Комиссия выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10:

- a. в отношении ареста фильма (девятью голосами против пяти);
- b. в отношении конфискации фильма (тринадцатью голосами против одного).

Полный текст выводов Комиссии и трех содержащихся в докладе особых мнений приведен в приложении к настоящему постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

33. Правительство, в своей памятной записке, просило Суд

"отклонить жалобу как неприемлемую согласно статье 27 п. 3 Конвенции, поскольку она поступила в Комиссию по истечении шестимесячного срока обращения, установленного статьей 26 Конвенции, или, в качестве альтернативы, постановить, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции в связи с арестом и последующей конфискацией фильма".

34. На судебных слушаниях заявитель просил Суд

"принять решение в пользу ассоциации-заявителя и постановить, что арест и конфискация фильма составляют нарушение обязательств Республики Австрия, вытекающих из статьи 10 Конвенции, и что ассоциации-заявителю должно быть предоставлено указанное справедливое удовлетворение".

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предварительные возражения Правительства

35. Правительство утверждало, что жалоба, которая была подана 6 октября 1987 г. (см. п. 31 выше), поступила в Комиссию по истечении шестимесячного срока обращения, установленного статьей 26 Конвенции, которая гласит:

“Комиссия может принимать дело к рассмотрению только... в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу”.

Во-первых, Правительство ссылалось на то, что ассоциация-заявитель (“ОПІ”) являлась “стороной” только в судебном разбирательстве по делу об аресте фильма, а не о его конфискации. Поэтому окончательным внутренним решением в этом случае было постановление Апелляционного суда Инсбрука, подтвердившее правомерность ареста (30 июля 1985 г.).

Во-вторых, Правительство выдвинуло альтернативный аргумент, согласно которому дистрибьютор фильма — компания “Черни”, являясь единственным обладателем прав на единственную копию фильма, дала согласие на его уничтожение до проведения Земельным судом первого заседания “по определению цели разбирательства”. Фактически этот же суд вынес решение о конфискации фильма 10 октября 1986 г. Правительство утверждало, что поскольку компания “Черни” не стала обжаловать это решение, значит, именно оно и является окончательным.

Принятие одного или другого аргумента Правительства будет означать, что заявление было подано не вовремя.

A. Утратило ли Правительство право ссылаться на альтернативное утверждение

36. Представитель Комиссии предложил считать Правительство утратившим право ссылаться на альтернативное утверждение, которое не выдвигалось перед Комиссией на стадии решения вопроса о приемлемости. С его точки зрения, то обстоятельство, что Правительство заявило возражение, основывающееся на предельном шестимесячном сроке, установленном статьей 26, следует рассматривать как недостаточное, так как приводившиеся тогда доводы основывались на фактах, отличных от тех, на которые делается ссылка сейчас.

37. Суд принимает к сведению такого рода возражения в пределах, в каких государство-ответчик уже выдвигало их достаточно четко перед Комиссией, и в принципе ссылка на

предварительные условия должна делаться на стадии первоначального рассмотрения вопроса о приемлемости в той мере, в какой их характер и обстоятельства дела это позволяют (см., среди других, постановление по делу *Бримон против Бельгии* от 7 июля 1989 г. Серия А, т. 158, стр. 27, п. 73).

Хотя Правительство ссылалось в Комиссии на правило шести месяцев, оно полагалось исключительно на решение Апелляционного суда Инсбрука от 30 июля 1985 г. Ничто не мешало ему сформулировать уже тогда свой альтернативный аргумент. Следовательно, оно потеряло право заявить его перед Судом (см., среди последних источников, постановление по делу *Папамихалопулос и другие против Греции* от 24 июня 1993 г. Серия А, т. 260-В, стр. 68, п. 36).

В. Об обоснованности основного довода Правительства

38. Практически довод Правительства сводится к тому, что “ОРГ” не является “лицом, потерпевшим” от конфискации фильма, и что заявителя касалась лишь ситуация, сложившаяся в связи с арестом фильма.

39. Лицо может претендовать на статус “потерпевшего” от вмешательства в осуществление его прав по Конвенции, если оно было непосредственно затронуто действиями, представляющими собой такое вмешательство (см., среди прочих и *mutatis mutandis* постановление по делу *Норрис против Ирландии* от 26 октября 1988 г. Серия А, т. 142, стр. 15—16, п. 31, и постановление по делу “*Открытая дверь*” и “*Дублинские повитухи*” против Ирландии от 29 октября 1992 г. Серия А, т. 246, стр. 22, п. 43).

40. Хотя ассоциации-заявителю не принадлежали авторские права на фильм и она не являлась собственником конфискованной копии, тем не менее, решение о конфискации напрямую затрагивало ассоциацию: оно делало невозможным показ этого фильма в ее кинотеатре в Инсбруке или где-либо еще в Австрии. Более того, арест был промежуточной мерой, правомерность которой была подтверждена последующим решением о конфискации; одно нельзя отделять от другого. Наконец, немаловажно, что управляющий ассоциации-заявителя в решении Земельного суда от 10 октября 1986 г. по делу о конфискации назван “заинтересованной стороной, потенциально несущей ответственность” (см. п. 15 выше).

Поэтому ассоциация-заявитель вправе считать себя “лицом, потерпевшим” как от конфискации фильма, так и от его ареста.

41. Из ранее сказанного следует, что окончательным в целях статьи 26 следует считать решение, вынесенное Апелляционным судом Инсбрука 25 марта 1987 и доведенное до сведения “ОРГ” 7 апреля (см. п. 17 выше). В соответствии со своей обычной практикой, Комиссия решила, что жалоба, которая была подана в течение шести месяцев со дня последней даты, была направлена своевременно. Соответственно, предварительное возражение Правительства должно быть отвергнуто.

II. О предполагаемом нарушении статьи 10

42. В жалобе ассоциации-заявителя указывалось, что арест и последующая конфискация фильма “Любовный собор” нарушили ее право на свободу слова, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая предусматривает:

“1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

А. Имело ли место “вмешательство” в осуществление ассоциацией-заявителем свободы слова

43. В Комиссии Правительство признало, что вмешательство в осуществление ассоциацией-заявителем права на свободу слова имело место лишь в отношении ареста фильма, и это подчеркнуто в предварительном возражении (см. п. 35 выше). Однако поскольку данное предварительное возражение было отклонено, то у Суда нет никаких сомнений, что и вопрос о вмешательстве подлежит рассмотрению как применительно к аресту, так и применительно к конфискации.

Подобное вмешательство может рассматриваться как нарушение статьи 10, если только к нему не применимы требования ее п. 2. Поэтому Суд должен последовательно проанализировать, было ли такое вмешательство “предусмотрено законом”, преследовало ли оно правомерную цель и было ли оно “необходимо в демократическом обществе” для достижения данной цели.

В. Было ли вмешательство “предусмотрено законом”

44. Ассоциация-заявитель отрицает, что вмешательство было “предусмотрено законом”, утверждая, что статья 188 Уголовного кодекса Австрии была применена неправильно. Во-первых, по ее мнению, спорным было бы считать “уничижительным или оскорбительным” произведение искусства, которое изображает в сатирической форме персонажи или предметы религиозного культа. Во-вторых, трудно сослаться на позицию людей, которые могли по своей воле смотреть фильм или не делать этого. В-третьих, праву на свободу художественного творчества, гарантированному статьей 17а Основного Закона, был придан недостаточный вес.

45. Суд неоднократно отмечал, что вопросы толкования и применения национальных законов находятся прежде всего в ведении национальных властей, в особенности судов (см. постановление по делу *Хорхер против Австрии* от 25 августа 1993 г. Серия А, т. 266-В, стр. 36, п. 25).

Суды Инсбрука должны были найти баланс между правом на свободу художественного творчества и правом на уважение религиозных убеждений, гарантированным статьей 14 Основного Закона. Суд, как и Комиссия, не находит в представленных доказательствах никаких оснований для того, чтобы сделать вывод об имевшем месте неправильном применении австрийского законодательства.

С. Преследовало ли вмешательство “правомерную цель”

46. Правительство утверждало, что арест и конфискация фильма были направлены на “защиту прав других лиц”, в частности права на уважение религиозных чувств, а также на “предотвращение беспорядков”.

47. Как указал Суд в своем постановлении по делу *Коккинакис против Греции* от 25 мая 1993 г. (Серия А, т. 260-А, стр. 17, п. 31), свобода мысли, совести и религии, которая охраняется в соответствии со статьей 9 Конвенции, является одной из основ “демократического общества” в смысле настоящей Конвенции. Именно в ее религиозном измерении заключаются один из самых жизненно важных элементов самоидентификации верующих и их представления о жизни.

У тех, кто открыто выражает свою религиозную веру, независимо от принадлежности к религиозному большинству или меньшинству, нет разумных оснований ожидать, что они останутся вне критики. Они должны проявлять терпимость и мириться с тем, что другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере. Однако способы критики или отрицания религиозных учений и убеждений могут повлечь за собой ответственность государства, если оно не обеспечивает спокойного пользования правом, гарантированным статьей 9, всем, кто придерживается этих учений и убеждений. В экстремальных ситуациях результат критики или отрицания религиозных убеждений может быть таким, что воспрепятствует свободе придерживаться или выражать такие убеждения.

В постановлении по делу *Коккинакиса* Суд в контексте статьи 9 решил, что государство может правомерно счесть необходимым принять меры против определенных форм поведения, включая распространение информации и идей, которые несовместимы с уважением свободы мысли, совести и религии других лиц (там же, стр. 21, п. 48). Есть правомерное основание считать, что религиозные чувства верующих, гарантируемые статьей 9, подверглись оскорблению вследствие провокационного изображения объектов религиозного культа. Подобное изображение может рассматриваться как злонамеренное нарушение духа терпимости, который является отличительной чертой демократического общества. Конвенцию следует рассматривать как единое целое, а потому толкование и применение статьи 10 в настоящем деле должно соответствовать общей логике Конвенции (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Класс и другие против Германии* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, стр. 31, п. 68).

48. Обжалуемые меры основывались на статье 188 австрийского Уголовного кодекса, который запрещает такое отношение к объектам религиозного культа, которое способно вызвать “оправданное негодование”. Отсюда следует, что цель обжалуемых мер

заклучалась в защите граждан от оскорбления их религиозных чувств при публичном выражении взглядов другими лицами. Принимая во внимание соответствующие формулировки решений австрийских судов, Суд согласился с тем, что оспариваемые меры преследовали правомерную цель в соответствии со статьей 10 п. 2, а именно “защиту прав других лиц”.

D. Были ли арест и конфискация “необходимы в демократическом обществе”

1. Общие принципы

49. Суд неоднократно подчеркивал, что свобода слова представляет собой одну из несущих опор демократического общества, одно из основополагающих условий для прогресса и развития каждого человека. При условии соблюдения требований статьи 10 п. 2, она применяется не только по отношению к “информации” или “идеям”, которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет демократического общества (см., в частности, постановление по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, стр. 23, п. 49).

Однако, как это подтверждается самим текстом статьи 10 п. 2, всякий, кто пользуется правами и свободами, воплощенными в п. 1 данной статьи, берет на себя “обязанности и ответственность”. В их число — в контексте религиозных мнений и убеждений — правомерно может быть включена обязанность избегать, по мере возможности, выражений, которые беспричинно оскорбительны для других, являются ущемлением их прав и не приносят в публичные обсуждения ничего, что способствовало бы общественному прогрессу.

Поэтому по принципиальным соображениям в некоторых демократических обществах может быть сочтено необходимым подвергать санкциям или предотвращать неподобающие нападки на объекты религиозного культа при обязательном соблюдении требования, что любые “формальности”, “условия”, “ограничения” или “санкции” будут соразмерны с преследуемой правомерной целью (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, там же).

50. Как и в случае с “моралью”, невозможно вычленить единообразное для всей Европы представление о значении религии в обществе (см. постановление по делу *Мюллер и другие против Швейцарии* от 24 мая 1988 г. Серия А, т. 133, стр. 20, п. 30 и стр. 22, п. 35); даже внутри одной страны такие представления могут быть различны. По этой причине невозможно прийти к всеохватывающему определению того, что представляет собой допустимое вмешательство в осуществление права на свободу слова там, где такое слово направлено против религиозных чувств других лиц. Поэтому национальные власти обладают широким полем усмотрения при оценке потребности и степени такого вмешательства.

Однако это усмотрение не беспредельно. Ему сопутствует контроль на основании Конвенции, границы которого изменчивы в зависимости от обстоятельств. В делах, подобных настоящему, — там, где наличествует вмешательство в осуществление свобод,

гарантированных статьей 10 п. 1, контроль должен быть строгим в силу значимости свобод, о которых идет речь. Необходимость любого ограничения должна быть установлена со всей убедительностью (см. постановление по делу “*Информационсферайн Лентиа*” и *другие против Австрии* от 24 ноября 1993 г. Серия А, т. 276, стр. 15, п. 35).

2. Применение указанных выше принципов

51. Фильм, который был арестован, а затем конфискован на основании судебных решений, вынесенных австрийскими судами, основывался на театральной пьесе многолетней давности, но Суд занимается только кинопроизведением, о котором идет речь.

(a) Арест

52. Правительство утверждает, что арест фильма был необходим из-за содержащихся в нем нападок на христианскую религию, особенно римско-католическую. Эта направленность фильма подчеркивалась тем, что действие оригинальной пьесы было переплетено с обстоятельствами судебного процесса 1895 г. над автором пьесы, положенной в основу фильма. Особенно резким и оскорбительным выпадом против католической морали был финал фильма.

При этом следует учитывать большую роль религии в повседневной жизни жителей Тироля. Удельный вес католиков в населении Австрии значителен — 78 %, но среди тирольцев он еще выше и составляет 87 %.

Соответственно, по крайней мере, на момент планировавшегося показа фильма, существовала острая социальная потребность в сохранении религиозного мира; нужно было защитить общественный порядок, для которого фильм представлял опасность, и суды Инсбрука не преступили в этом отношении предоставленный им предел усмотрения.

53. Ассоциация-заявитель утверждает, что она действовала ответственно, стремясь избежать возможности оскорбить чьи-либо чувства. Она подчеркнула, что планировала показать фильм в своем кинотеатре, который был доступен только за входную плату; кроме того, ее публика в целом состояла из лиц, интересующихся прогрессивной культурой. И наконец, во исполнение действующего в Тироле законодательства лица моложе семнадцати лет не были бы допущены на просмотр фильма. Поэтому не было никакой реальной опасности, что кто-либо окажется подвержен воздействию спорного материала против своего желания.

Комиссия по существу согласилась с этой позицией.

54. Суд отмечает прежде всего, что, хотя доступ в кинотеатр и был обусловлен входной платой и ограничением по возрасту, фильм широко рекламировался. Общественности было достаточно хорошо известно, о чем фильм и его основное содержание, чтобы получить ясное представление о его характере; по этой причине даже предполагаемый показ фильма был достаточно “публичным” и мог быть воспринят как оскорбление чувств верующих.

55. Перед Судом стоит проблема, как уравновесить противоречивые интересы при осуществлении двух основополагающих свобод, гарантируемых Конвенцией, а именно: права ассоциации-заявителя доводить до общественности спорные взгляды, что подразумевает и право заинтересованных лиц знакомиться с такими взглядами, с одной стороны, и права других лиц на должное уважение их свободы мысли, совести и религии, с другой стороны. Решая эту проблему, следует принять во внимание пределы усмотрения, оставленные национальным властям, чей долг в демократическом обществе состоит также в том, чтобы учитывать в границах их компетенции интересы общества в целом.

56. Австрийские суды, распорядившись об аресте, а в последующем и о конфискации фильма, рассматривали его как оскорбительный, в глазах тирольской публики, выпад против римско-католической церкви. Их судебные решения показывают, что они с должным вниманием относятся к свободе художественного творчества, гарантированной статьей 10 Конвенции, и для которой статья 17а Основного Закона Австрии предусматривает особую защиту. Однако они не считали, что достоинства фильма как произведения искусства или как вклада в публичное обсуждение проблем делают извинительными такие его черты, которые в значительной мере были бы восприняты широкой публикой как оскорбление. После просмотра фильма в ходе рассмотрения дела суды отметили провокационное изображение Бога Отца, Девы Марии и Иисуса Христа (см. п. 16 выше). Содержание фильма (см. п. 22 выше), как было сказано, не может служить основанием для опровержения вывода, к которому пришли австрийские суды.

Суд не может игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападков. В первую очередь именно национальным властям, которые находятся в более выгодном положении, чем международный суд, приходится давать оценку потребности в подобной мере в свете той ситуации, которая складывается в данном месте и в данное время. Во всех обстоятельствах настоящего дела Суд ни разу не счел, что действия австрийских властей могут рассматриваться в этом отношении как выходящие за пределы их усмотрения.

Поэтому в том, что касается ареста, Суд не видит нарушения статьи 10.

(b) Конфискация

57. Вышеупомянутые рассуждения применимы также и к конфискации, — акту, который окончательно определил законность ареста и, согласно законодательству Австрии, был обычным продолжением последнего.

Статья 10 не может быть истолкована как запрещающая конфискацию в общественных интересах предметов, использование которых правомерно было признано незаконным (см. вышеупомянутое постановление по делу *Хэндисайда*, стр. 30, п. 63). Хотя конфискация сделала невозможным показ фильма где-либо на территории Австрии, Суд считает, что использованные средства не являются несоразмерными преследуемой законной цели, а потому национальные власти не превысили в этом отношении пределов своего усмотрения.

Соответственно, нарушение статьи 10 не имело места и в том, что касается конфискации.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* единогласно, что Правительство утратило право ссылаться на свое альтернативное предварительное возражение;

2. *Отклонил* единогласно предварительное возражение Правительства;

3. *Постановил* шестью голосами против трех, что ни арест, ни конфискация фильма не были нарушением статьи 10 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 20 сентября 1994 г.

Герберт Петцольд Рольф Риссдал

Секретарь Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается совместное особое мнение судей Палм, Пекканена и Макарчика.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ

ПАЛМ, ПЕККАНЕНА И МАКАРЧИКА

1. Мы сожалеем, что не можем согласиться с большинством в том, что нарушение статьи 10 не имело место.

2. Суд встретился с необходимостью найти равновесие между двумя правами Конвенции, вступившими в очевидный конфликт друг с другом. В настоящем деле это, с одной стороны, право на свободу религии (статья 9), на которое ссылается Правительство, и, с другой стороны, право на свободу слова (статья 10), на которое ссылается ассоциация-заявитель. Так как дело касается ограничений последнего права, наши рассуждения будут концентрироваться вокруг того, были ли они “необходимы в демократическом обществе”, а потому допустимы в силу п. 2 статьи 10.

3. Как справедливо заявляет большинство, вслед за знаменитым местом из судебного постановления по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 г. (Серия А, т. 24), свобода слова является одной из фундаментальных опор “демократического общества”; она применяется не только по отношению к “информации” или “идеям”, которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или недостойные внимания, но также и в отношении тех, что шокируют, обижают или вызывают беспокойство у государства или части населения. Нет смысла гарантировать эту свободу лишь постольку, поскольку она используется в соответствии с общепринятым мнением.

Отсюда следует, что условия статьи 10 п. 2, в рамках которых может в исключительных случаях допускаться вмешательство в осуществление права на свободу слова, должны толковаться очень аккуратно; пределы усмотрения государства в данной области не могут быть широкими.

В частности, власти государства не должны произвольно решать, может ли конкретное заявление “привнести в публичные обсуждения что-либо способное содействовать общественному прогрессу”; подобное решение будет всего лишь отражать представления властей “о прогрессе”, нередко весьма искаженные.

4. Необходимость конкретного вмешательства для достижения правомерной цели должна быть убедительно установлена (см. постановление по делу *“Информационсферайн Лентиа” и другие против Австрии* от 24 ноября 1993 г. Серия А, т. 276, стр. 15, п. 35). Это тем более справедливо в таких случаях, как настоящее дело, где вмешательство в виде ареста приобретает форму предварительного ограничения (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *“Обсервер” и “Гардиан” против Соединенного Королевства* от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, стр. 30, п. 60). Существует опасность, что подобное предварительное ограничение, если оно будет применяться для защиты интересов могущественных групп в обществе, может пагубно сказаться на терпимости, от которой зависит сохранение плюралистической демократии.

5. Суд был совершенно прав, когда указал, что те, кто создает, распространяет или выставляет произведения искусства, содействуя обмену мнениями или идеями и способствуя самореализации личности, делают нечто жизненно важное для демократического общества, а потому на государство налагается обязанность не вмешиваться чрезмерно в их свободу выражения мнений (см. постановление по делу *Мюллер и другие против Швейцарии* от 24 мая 1988 г. Серия А, т. 133, стр. 22, п. 33). Мы также согласны с тем, что хотя не все при этом может считаться произведением искусства в общепринятом смысле, но те, кто обращается к широкой публике, не могут на этом основании быть освобождены от возлагаемых на них “обязанностей и ответственности”, объем и характер которых зависят от ситуации и используемых средств (см. вышеупомянутое постановление по делу *Мюллер и другие*, стр. 22, п. 34).

6. Формулировки Конвенции четко не гарантируют права на защиту религиозных чувств. Более того, подобное право нельзя вывести из права на свободу вероисповедания, которое в действительности включает в себя право критиковать религиозные представления других лиц.

Тем не менее следует согласиться, что некоторые меры защиты религиозных чувств определенной части общества от критики и оскорблений могут быть “правомерными” в целях статьи 10; толерантность работает в обе стороны, и если будут дозволены грубые нападки на репутацию религиозных групп, то пострадает демократический характер

общества. Соответственно, нужно принять и то, что установление пределов публичному выражению такой критики и оскорблений может быть “необходимым в демократическом обществе”. До сих пор, но не далее, мы можем согласиться с мнением большинства.

7. Долг и обязанность любого лица, желающего воспользоваться своей свободой слова, состоят в том, чтобы со своей стороны ограничить, насколько это возможно и разумно, обиды, которые его высказывания могут нанести другим лицам. Если лицо не делает этого, либо если то, что оно делает, оказывается недостаточным, тогда только допускается вмешательство государства.

Даже если потребность в запретах и будет очевидна, то соответствующие меры должны быть “соразмерны преследуемой правомерной цели”. Согласно устоявшейся практике Суда, с которой мы полностью согласны, следует стремиться к другому, менее репрессивному решению проблемы (см., в качестве примера, вышеупомянутое постановление по делу “*Информационсфэрайн Лентиа*” и другие, стр. 16, п. 39).

Необходимость в репрессивных действиях, вплоть до полного запрета пользоваться свободой слова, может быть приемлема только тогда, когда поведение, о котором идет речь, достигает такой высокой степени злоупотребления и подходит столь близко к отрицанию свободы вероисповедания других лиц, что само утрачивает право на терпимое отношение к себе со стороны общества.

8. Относительно необходимости каких-либо действий со стороны государства в данном деле мы хотели бы подчеркнуть различие между настоящим случаем и делом *Мюллер и другие*, в котором Суд не нашел нарушения статьи 10. Картины г-на Мюллера были доступны для обозрения широкой публике без каких-либо ограничений, так что они могли попасть и действительно попали на глаза людям, которым они казались неподобающими.

9. В отличие от картин г-на Мюллера, фильм предназначался для платного показа аудитории “искусствоведческого кинотеатра”, который обслуживал относительно немногочисленную публику, любящую экспериментальное кино. Поэтому маловероятно, чтобы в его аудитории оказались люди, не заинтересованные в том, чтобы увидеть фильм.

Более того, эта аудитория получила достаточную возможность предварительно ознакомиться с характером фильма. В отличие от большинства мы считаем, что объявления, выпущенные ассоциацией-заявителем, были направлены на предоставление информации о критическом подходе фильма к римско-католической вере; и в самом деле, сделано это было достаточно четко, с тем чтобы позволить лицам, чувствительным к религиозным вопросам, принять обдуманное решение воздержаться от просмотра фильма.

Таким образом, вероятность того, что в настоящем случае кто-нибудь непредумышленно столкнулся бы с неприемлемыми для него материалами, очень невелика.

Поэтому мы заключаем, что ассоциация-заявитель действовала ответственно и таким образом, чтобы ограничить возможные предвидимые отрицательные последствия показа фильма.

10. И наконец, как это было заявлено ассоциацией-заявителем и не отрицалось Правительством, поскольку законодательством Тироля запрещается показывать такой фильм лицам моложе семнадцати лет, в анонсе ассоциации-заявителя содержалось уведомление об этом.

При таких обстоятельствах опасность того, что фильм увидят лица, для которых он не подходит по возрасту, можно сбросить со счетов.

Таким образом, у австрийских властей имелась возможность применения менее жесткой меры для предотвращения возможных отрицательных последствий показа фильма, чем его арест.

11. Мы не отрицаем, что показ фильма мог бы оскорбить религиозные чувства некоторой части населения Тироля. Однако, принимая во внимание меры, фактически принятые ассоциацией-заявителем в интересах охраны тех, кто мог бы счесть себя оскорбленным, и защиту, предоставляемую австрийским законодательством лицам, не достигшим семнадцати лет, мы, после тщательного рассмотрения, полагаем, что арест и конфискация указанного фильма были несоразмерны преследуемой правомерной цели.

© Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2002